

Тао Яояо теперь танцовщица в Сяосянгуань в столице.

— Хорошо, можешь идти.

Столица — не чужие края, здесь каждый шаг нужно делать с осторожностью. Кто знает, не является ли обычный торговец овощами или гадатель шпионом императора или принцев. Переезд в резиденцию принцессы — лишь смена обстановки, не более.

Дни тянулись своим чередом: любование цветами, чаепития. Она подсчитывала, что через несколько дней все удельные князья вернутся в столицу, и тогда начнется самое интересное. Хуа Жолян не могла выдавить из себя даже улыбки: она выходит замуж за Гун Юньшу, а в руках у той триста тысяч солдат. Похоже, в ближайшие дни без светских приемов не обойтись.

Она усмехнулась про себя. Как она могла быть такой наивной, полагая, что сможет остаться в стороне? В этой войне за престол между принцами ей всё же придется замарать руки.

Чу-ван Хуа Жоцзин, закончив визит к отцу-императору, переоделся и затерялся в толпе крупнейшего столичного чайного дома, прислушиваясь к сплетням праздных зевак.

Большая часть услышанного лишь подтверждала донесения разведчиков. Чаще всего упоминали о том, что его старшая сестра Хуа Жолян выходит замуж за маршала Чжэньбэй Гун Юньшу.

Ничего нового. Хуа Жоцзин поднялся, чтобы уйти, и случайно столкнулся со своим старшим братом и четвертым младшим братом, которые на всех парах скакали в сторону Сяосянгуань. Его узкие глаза-фениксы слегка прищурились. Любопытно. Он вскочил на своего коня и последовал за ними.

Хуа Жолян впервые за долгое время спала крепко, без сновидений. Умывшись и облачившись в замысловатые одежды, она собралась выйти прогуляться, чтобы послушать последние новости.

Вернувшись, Хуа Жолян не смогла сдержать довольной улыбки. Вчера трое принцев собрались в Сяосянгуань.

Хуа Жохэн был очарован одной танцовщицей и вознамерился сделать её своей наложницей. Но Хуа Жоли, которому та тоже приглянулась, не собирался так просто уступать брату. В итоге разыгралась сцена соперничества двух мужчин из-за одной женщины.

Хуа Жоли, видя, к чему всё идет, выступил миротворцем, позволив обоим принцам сохранить лицо. Однако император Вэнь-ди, узнав об этом, пришел в ярость: мало того что члены

императорской семьи шатаются по борделям, так ещё и дерутся там из-за женщины.

В наказание он посадил Хуа Жохэна и Хуа Жоли под домашний арест на месяц, а Хуа Жоцзина похвалил, дабы укрепить авторитет власти. А той танцовщицей была Тао Яояо. Одна приманка — и три крупные рыбы на крючке.

Хуа Жолянъ не знала всех деталей того, что произошло вчера в Сяосянгуань, но цели она достигла. Теперь Хуа Жоцзин наверняка заинтересуется Тао Яояо. А учитывая любвеобильный нрав Хуа Жохэна, через месяц он наверняка снова отправится на её поиски.

Спустя много дней, ранним утром.

Гун Юньшу выздоровела и беседовала с несколькими генералами армии Чжэньбэй. Когда пришло время, гости начали расходиться, и в итоге остался только генерал Ли.

Гун Юньшу поняла, что у генерала есть что сказать, и произнесла:

— Брат Ли, говори прямо, не стесняйся.

Раз уж сам маршал так говорит, чего генералу Ли смущаться? Он откашлялся и спросил:

— Маршал, вы приняли то лекарство?

— Нет, — прямо ответила Гун Юньшу. В те дни она была занята в пути, а последние несколько дней лечила раны, и лекарств, выписанных Лу Цзысинь, было достаточно — когда было время принимать ещё и эти добавки?

Генерал Ли в душе негодовал: как же так! Получается, его маршал до сих пор не испытал себя в деле, а ведь через несколько дней свадьба с принцессой.

Видя недовольное лицо генерала, Гун Юньшу сказала:

— Брат Ли, ты сам говорил, что достать такое непросто. Я подвела твои ожидания. Это лекарство...

— Это лекарство, маршал, лучше всего подействует в брачную ночь! — генерал Ли сменил гнев на милость.

— Прием лекарства тоже требует соблюдения благоприятного времени и условий? — Гун Юньшу знала лишь, что это важно в военном деле.

Генерал Ли хитро усмехнулся и похлопал Гун Юньшу по плечу:

— Брат плохого не посоветует.

Затем он достал из-за пояса книгу, долго её разглядывал, поглаживал, словно сокровище, и наконец, крепя сердце, произнес:

— Маршал, это книга — драгоценность, которую я берег много лет. Теперь дарю её вам.

Сунув книгу в руки Гун Юньшу, генерал снова хитро улыбнулся:

— Маршал, изучите её внимательно, а я пойду.

Древние говорили: в книгах — золото и нефритовые красавицы. Гун Юньшу подумала, что раз генерал так дорожит этой книгой, то это наверняка трактат по военному искусству, написанный великим полководцем прошлого. Но название книги поставило её в тупик: Секреты женских покоев — что это ещё такое?

Охваченная невиданным любопытством, Гун Юньшу открыла книгу и пробежала её глазами.

Её чистое лицо мгновенно вспыхнуло. В книге были изображены обнаженные мужчина и женщина, занимающиеся тем самым. Причем в мельчайших деталях были нарисованы всевозможные позы.

Руки Гун Юньшу дрогнули, и книга упала на пол. Служанки, которые всё это время искали случая выслужаться, бросились на помощь.

В панике Гун Юньшу рявкнула:

— Стоять!

Бедные служанки замерли от испуга.

— Я... я сама. Вы все выйдите, — даже если ей было противно прикасаться к этой книге, Гун Юньшу не могла допустить, чтобы кто-то другой поднял её и увидел содержимое.

— Слушаемся, — служанки поспешно ретировались.

Подняв книгу, она невольно бросила взгляд на страницы. Выражение лица Гун Юньшу менялось с невероятной скоростью: она с недоверием вглядывалась в изображение. Там были две женщины...

Осознав, что она делает, Гун Юньшу немедленно захлопнула книгу. Однако семена чего-то

нового были посеяны в её сердце.

Пятый год правления Юнчжэнь, осень. Принцесса новой династии Хуа Жолянь выходит замуж за маршала Чжэньбэй Гун Юньшу.

Гун Юньшу на белом коне выглядела статной и воодушевленной. На её лице сияла радостная улыбка, но только она сама знала, насколько эта улыбка была натянутой. Она — женщина, и ей предстоит взять в жены другую женщину.

Жалованье маршала было невелико, но, к счастью, за время военных походов она скопила немало трофеев. Она потратилась на организацию свадебной процессии, надеясь хоть немного искупить вину перед Хуа Жолянь.

У женщины свадьба бывает раз в жизни, и Гун Юньшу хотела дать Хуа Жолянь всё самое лучшее.

Свадебный кортеж с шумом прибыл к резиденции принцессы. После всех ритуалов Гун Юньшу, затаив дыхание, наблюдала, как няньки выводят Хуа Жолянь.

На ней был алый наряд жениха, подчеркивающий её идеальную фигуру — чистую, светлую, но не лишенную императорского величия. На поясе висели нефритовые подвески, а длинные волосы были небрежно рассыпаны по плечам.

Из-за красной фаты Гун Юньшу не видела её лица. Но она знала: если увидит сейчас, то тело перестанет её слушаться.

В голове промелькнула мысль: если бы она была мужчиной, то действительно могла бы обладать ею. Но она не мужчина...

Нянька Лю передала Хуа Жолянь в руки Гун Юньшу. Зная, что принцесса всегда была болезненной, она понизила голос:

— Маршал Гун, принцесса слаба здоровьем, прошу, будьте осторожны сегодня ночью.

Гун Юньшу, прекрасно поняв намек, покраснела до корней волос и слегка кивнула.

Под красной фатой на прекрасном лице Хуа Жолянь тоже проступил румянец.

Почувствовав, что ладонь Хуа Жолянь слегка прохладна, Гун Юньшу сжала её крепче, пытаясь передать тепло своих рук.

— Поклонитесь небу и земле!

— Поклонитесь родителям! — родители Гун Юньшу давно скончались, поэтому она кланялась императору Вэнь-ди и наложнице Мэй.

— Поклонитесь друг другу!

— В опочивальню! — в опочивальню отправилась невеста, а жениху предстояло принимать поздравления снаружи.

— Маршал Гун, — наложница Мэй плавно поднялась и с улыбкой посмотрела на Гун Юньшу. Гун Юньшу, не смея проявить неуважение, поклонилась:

— Госпожа Мэй.

Наложница Мэй была довольна: спокойная, сдержанная — это хорошо. Вэйси, твоя дочь нашла достойного человека, ты можешь быть спокойна. — Это ты подарил принцессе фонарь-король?

— Я, — честно ответила Гун Юньшу.

Улыбка наложницы Мэй стала глубже, она выпила свадебное вино, предложенное Гун Юньшу. Третий принц Хуа Жоли, который всё это время угрюмо пил в стороне, дождался, пока их разговор закончится, взял два кубка вина и направился к Гун Юньшу. Чиновники, желавшие подольститься к маршалу, тут же отступили.

— Маршал Гун, наслышан о вас.

Гун Юньшу за этот месяц хорошо изучила придворный этикет. Поняв, что перед ней четвертый принц Хуа Жоли, она с достоинством поклонилась:

— Ваше Высочество Цинь-ван.

Она пыталась понять их отношения, но ничего предосудительного не нашла. Почему же в его взгляде читалась враждебность?

— Давай, я выпью за ваше с сестрой долголетие и счастье, — он протянул кубок Гун Юньшу. Видя её колебания, он рассмеялся: — Неужели настоящий мужчина боится выпить этот кубок?

Гун Юньшу, конечно, могла выпить, но впереди было ещё много поздравляющих, а она не хотела предстать перед Хуа Жолянь пьяной в стельку. Однако, похоже, отказаться от кубка Цинь-вана было нельзя. Приняв его, она без лишних слов осушила до дна.

Хуа Жоли вытер губы, в его движениях сквозила безысходность. Он уставился на Гун Юньшу и по слогам произнес:

— Хорошо относись к моей сестре. Если узнаю, что ты её обижаешь, не обессудь.

— Я, естественно, буду к ней добра, — в армии пить не разрешалось, и Гун Юньшу не была приучена к спиртному. От одного кубка голова стала тяжелой.

— Надеюсь на это, — Хуа Жоли ушел.

Вслед за ним подходили другие принцы и министры. Это стало настоящим испытанием для Гун Юньшу. Наконец, когда всё закончилось, она была пьяна почти до беспамятства, лишь чудом сохраняя остатки сознания.

Генерал Ли снова решил вмешаться и сунул ей в руки пакетик с порошком:

— Обязательно прими! — он с улыбкой смотрел, как Гун Юньшу уводят в опочивальню.

Лекарство, которое он дал ранее, осталось в старой одежде, когда она переодевалась в наряд жениха. У генерала Ли уже была семья, как ему было не знать о таких вещах, вот он и подготовил для маршала запасной вариант.

Всё было готово.

Придя к дверям спальни, Гун Юньшу замерла. Её женская сущность... она не смела толкнуть эту дверь.

Нянька, стоявшая рядом, мягко напомнила:

— Маршал Гун, не упустите благоприятный час. Принцесса проста в общении, не стоит беспокоиться.

Нянька Лю, главная из прислуги и кормилица Хуа Жолянь, удивлялась: какой мужчина, видя принцессу, не стремился бы к ней? Реакция Гун Юньшу была странной.

— Я... я сейчас пьяна. Боюсь потревожить покой принцессы, нянька, я...

Вот оно что. Нянька Лю поняла объяснение Гун Юньшу и одобительно кивнула:

— Маршал Гун, даже так, нельзя пропускать час.

Гун Юньшу почти насильно втолкнули в спальню.

Судьба — штука непредсказуемая.

Набравшись храбрости, она приподняла красную фату Хуа Жолян. Весы для снятия фаты выпали из рук. Хуа Жолян под фатой была так прекрасна, что казалась сошедшей с картины: её и без того необыкновенное лицо было подчеркнуто тонким макияжем, а каждый взгляд был полон очарования.

Сердце Гун Юньшу забилось чаще, голос пропал, она могла лишь тупо смотреть на неё.

— Глупышка, ты что, онемела? — в голосе Хуа Жолян слышались нежность и капризные нотки.

— Ваше Высочество, вы сегодня очень красивы, — машинально произнесла Гун Юньшу. Осознав, что сказала, она покраснела ещё сильнее. Глядя на смущенную Хуа Жолян, она пробормотала про себя: — Иметь такую жену, о чем ещё можно мечтать?

Гун Юньшу была женщиной, какая из неё жена? Улыбка слегка застыла. Она хотела признаться, что она женщина, но боялась потерять всё. Что ей делать?

Хуа Жолян всё это время наблюдала за каждым её движением. Видя её состояние, она почувствовала тревогу:

— Тебе нехорошо?

— Нет, я... — она хотела сказать, что женщина. Но как это произнести? Она жадно смотрела на лицо Хуа Жолян, а в голове всплывали картинки из той книги. Что-то рвалось наружу, и Гун Юньшу корила себя за грязные мысли.

— Если маршалу что-то мешает, говори прямо, — ласково улынулась Хуа Жолян. Она видела, что Гун Юньшу что-то скрывает. Вспомнив прошение об отставке, она поняла, что дело серьезное.

— Принцесса, я... — сказать или нет?

Она не ценила высокие чины и жалование, но почему не могла признаться? В брачную ночь свечи плавилась, превращаясь в воск, красный свет метался, освещая мучительное лицо Гун Юньшу.

— Я не могу иметь детей, — не в силах признаться в правде, она решила солгать. Она знала, что долго скрывать это не получится. Но боялась реакции Хуа Жолян.

— Это... — лицо Хуа Жолян изменилось. В донесениях упоминалось, что во время войны Гун Юньшу получила ранение в нижнюю часть тела. Видя, как ей тяжело, она подумала, что для мужчины это роковой недостаток. Мужчина, не способный к близости, не нуждается в карьере, это объясняло её настойчивое желание уйти в отставку.

— Я найду лекарство, маршал, не принимайте близко к сердцу. Я не позволю другим узнать об этом.

— Простите.

— Это не ваша вина, не нужно извиняться.

Лекарство генерала Ли Гун Юньшу не осмелилась использовать. Она догадалась, что это за снадобье, если его так настойчиво советовали для брачной ночи. К тому же книга... Гун Юньшу была почти уверена, что это афродизиак.

Сколько продержится этот фарс? Она не знала. Но одно было ясно: она питала к Хуа Жолянью чувства, которых быть не должно.

— Ваше Высочество, вы любите меня? — осторожно спросила Гун Юньшу.

Хуа Жолянью не ожидала такого вопроса. Она сама не знала: использует ли она Гун Юньшу, восхищается ею или... любит?

— Вы не любите меня, да? — видя долгое молчание, с горечью спросила Гун Юньшу.

— Люблю, — осознав это, искренне ответила Хуа Жолянью. Если бы не любила, она бы никогда не позволила Гун Юньшу так легко жениться на себе.

Если бы её спросили, когда она полюбила? Возможно, в тот первый миг в Цинчэне, или на арене, когда та рисковала жизнью, а скорее всего — после тех слов: Она — моя жена.

Сердце Хуа Жолянью дрогнуло.

Ночь, которая должна была стать прекрасной, превратилась в неловкое ожидание из-за того признания о бесплодии.

Гун Юньшу знала, что ради своих желаний погубила жизнь Хуа Жолянью. Она не осмелилась лечь в постель и собиралась провести ночь на полу.

— Глупышка, завтра утром придут служанки, ты хочешь, чтобы все узнали... — Хуа Жолянью не договорила, вздохнула: — Ложись в постель.

Гун Юньшу поняла намек и ответила:

— Хорошо.

Она осторожно подошла к кровати. Видя, как Хуа Жоляннь раздевается, она поспешно отвернулась, повторяя про себя правила приличия. Но в голове всплывали картинки из книги — две женщины...

Хуа Жоляннь не выдержала и усмехнулась: неужели эта «глупышка» думает, что она её съест?

— Неужели я настолько непривлекательна, что пугаю маршала?

— Нет, нет... — твердила Гун Юньшу, всё ещё стоя спиной. — Ваше Высочество прекрасна, как небесное создание.

— Тогда почему ты не хочешь посмотреть на меня?

Гун Юньшу могла бы сказать, что весь этот месяц, кроме изучения этикета, она только и делала, что рассматривала ту книгу. Сначала она хотела её уничтожить, но, взяв в руки, не смогла оторваться. Теперь, глядя на Хуа Жоляннь, она не могла не фантазировать.

— Я боюсь... боюсь проявить неуважение.

Хуа Жоляннь снова рассмеялась: что может сделать мужчина, который не может иметь детей?

— Мне любопытно, как именно ты проявишь неуважение.

Гун Юньшу пришлось повернуться, но голову она опустила.

Почему она такая упрямая?

— Подними голову, посмотри на меня.

Гун Юньшу послушно подняла взгляд.

Украшения были сняты, черные как смоль волосы мягко падали на плечи. На ней осталась лишь тонкая сорочка, скрывающая белоснежное тело, сквозь которую просвечивали контуры фигуры...

Это было искушение. Чистое, неприкрытое искушение.

Рассудок Гун Юньшу помутился. В памяти всплыли картинки из книги: два совершенных женских тела, переплетенных в страсти. Она невольно представила себя и Хуа Жоляннь на их месте.

— Разве вы не спрашивали, как я проявлю неуважение?

Гун Юньшу пыталась сдержаться, но Хуа Жоляннь сама играла с огнем. Стиснув зубы, она поддавалась порыву. Поцеловала её — нежно, пробуя на вкус. Она потянулась, чтобы развязать ленты на одежде Хуа Жоляннь.

Хуа Жоляннь широко открыла глаза и оттолкнула её ногой. Гун Юньшу отступила, осознав, что натворила, и выглядела так, словно это её обесчестили.

— Глупышка... — Хуа Жоляннь, видя её лицо, не знала, злиться или смеяться. Она отвернулась и легла на край кровати, прижимая руку к груди. Сердце бешено колотилось.

Гун Юньшу задула свечу. В темноте она, крадучись, взобралась на кровать. Видя, что Хуа Жоляннь забрала всё одеяло, она не посмела возразить. Сжавшись в комочек на краю, она от усталости и выпитого алкоголя быстро уснула.

Посреди ночи Хуа Жоляннь проснулась. Погода ночью резко изменилась, и она испугалась, что Гун Юньшу замерзнет. Она поделилась половиной одеяла. Гун Юньшу во сне почувствовала знакомый аромат, инстинктивно потянулась к нему и, найдя, крепко обняла.

Хуа Жоляннь попыталась убрать руку Гун Юньшу со своей талии, но почувствовала, что та ледяная. Смягчившись, она подумала: ну и ладно, побуду живой грелкой. А объятия у неё, оказывается, такие мягкие...

В армии была строгая дисциплина, и Гун Юньшу просыпалась в одно и то же время. Несмотря на вчерашнее пьянство, она проснулась раньше Хуа Жоляннь. Поняв, что обнимает её, она испугалась, что её женская тайна может раскрыться.

Судя по всему, Хуа Жоляннь ничего не заметила. Она попыталась высвободить руку, но боялась разбудить её, поэтому ей пришлось терпеть, пока та давила на её онемевшую конечность.

Сон не шел, и Гун Юньшу лежала, чувствуя, как рука окончательно теряет чувствительность.

<http://bllate.org/book/19781/1949223>